

Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса
УрГЮА (СЮИ): материалы международной
научно-практической конференции

(г. Екатеринбург, 27–28 января 2005 г.). – Т. 2. –
Екатеринбург: УрГЮА, 2005

Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации. М., 2000. С. 7–34; Костюк В. Д. Нематериальные блага. Защита чести, достоинства и деловой репутации. М., 2002. С. 33–45.

⁸ Бюллетень Верховного суда РФ. 1995. № 3.

⁹ См.: Эрделевский А. Компенсация морального вреда // Законность. 1997. № 5. С. 36–40.

¹⁰ См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / Под общ. ред. В. М. Лебедева; Науч. ред. В. П. Божьев. М., 2002. С. 283.

С. Б. Россинский

Москва

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ КОМБИНАЦИИ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

Существующее в настоящее время многообразие форм уголовно-процессуальной деятельности позволяет разделять все производимые в ходе уголовного судопроизводства мероприятия по целям и задачам на определенные группы. Так, некоторые из этих мероприятий направлены на собирание, проверку и судебное исследование доказательств. К ним можно отнести, например, следственные и судебные действия, судебные экспертизы и т. д. Другие (например, различные мероприятия по разъяснению прав участникам уголовного судопроизводства или по их ознакомлению с материалами уголовного дела) проводятся в целях выполнения требований Конституции Российской Федерации и уголовно-процессуальных принципов. Третьи (привод, устранение свидетелей из зала судебного заседания и т. д.) направлены на обеспечение надлежащего порядка производства по уголовному делу. Каждое из этих мероприятий характеризуется своей специфической правовой природой, кругом участников, а также непосредственными целями и задачами.

Вместе с тем современное законодательство предусматривает некоторые процессуальные мероприятия с достаточно сложной и неопределенной правовой природой, которые, по нашему мнению, не представляется возможным отнести к какой-либо из существующих форм уголовно-процессуальной деятельности. Такими мероприятиями

ми являются, например, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, а также контроль и запись переговоров.

Одни авторы считают их следственными действиями¹. Другие прямо не говорят о них именно как о следственных действиях, однако косвенно подразумевают это, рассматривая такие мероприятия совместно с обыском, выемкой и прочими следственными действиями². Аналогичной позиции, видимо, придерживается и законодатель, который также помещает соответствующие процессуальные нормы (ст. 185, 186 УПК РФ) среди иных, регламентирующих следственные действия.

Анализируя вышеприведенные точки зрения, нельзя не вспомнить, что в настоящее время в уголовно-процессуальной науке не сложилась единая позиция относительно определения самих следственных действий³. Так, коллектив кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова понимает под следственными действиями любые процессуальные мероприятия, которые производятся в процессе предварительного расследования уголовного дела органами дознания, предварительного следствия и прокуратуры⁴. В свою очередь, С. А. Шейфер в работах, посвященных данной проблематике, под следственными действиями понимает процессуальные мероприятия познавательного характера, которые служат способами исследования обстоятельств дела и установления истины⁵. И. Е. Быховский рассматривал следственные действия как определенные виды познавательной деятельности следователя и иных уполномоченных законом лиц, осуществляемые на стадии предварительного расследования или при расследовании вновь открывшихся обстоятельств, на основании и в соответствии с регламентированным законом порядком обнаружения, исследования, фиксации и изъятия доказательств⁶.

Резюмируя все вышеприведенные суждения о юридической природе следственных действий, мы, в свою очередь, не можем полностью поддержать ни одно из них. Так, нельзя оставить без должного внимания мнение процессуалистов юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова относительно того, что следственные действия могут осуществляться только органами предварительного расследования или прокуратуры. Однако при этом, на наш взгляд, не следует соглашаться с позицией, относящей к следственным любые действия.

проводимые указанными участниками уголовного судопроизводства. В данном случае справедливым представляется точка зрения, высказанная в работах С. А. Шейфера и И. Е. Быховского и некоторых других авторов, что следственными действиями можно считать только процессуальные мероприятия познавательного характера, направленные на установление истины по уголовному делу, т. е. мероприятия по собиранию доказательств. Вместе с тем указанные авторы, по нашему мнению, четко не определяют круг лиц, уполномоченных на производство следственных действий, хотя, как было отмечено выше, правом их осуществления обладают только органы дознания, предварительного следствия и прокуратуры.

Таким образом, резюмируя все вышеизложенное, представляется, что следственное действие — это производимое дознавателем, следователем или прокурором уголовно-процессуальное мероприятие познавательного характера, направленное на собирание новых и проверку имеющихся доказательств.

Сопоставив с этим определением рассматриваемые нами мероприятия по контролю и записи переговоров, а также по наложению ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотру и выемке, можно сделать вывод о том, что ни одно из них полностью не соответствует понятию следственного действия. Так, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка соответствуют определению следственного действия только в части осмотра и выемки. А само по себе наложение ареста, по нашему мнению, не может расцениваться как следственное действие, поскольку является не столько процессуальным мероприятием, сколько решением, а кроме того, прямо не направлено на собирание или проверку доказательств.

Контроль и запись переговоров также отвечает признакам следственного действия только в части, касающейся последующего прослушивания фонограммы, производимого по правилам следственного осмотра. Саму по себе негласную запись телефонных и иных переговоров также нельзя расценивать как следственное действие, поскольку она производится не органами предварительного расследования или прокуратуры, а специальными техническими подразделениями. Более того, ее результаты без последующего прослушивания следователем и фиксации в соответствующем протоколе не могут расцениваться как уголовно-процессуальные доказательства.

Таким образом, мы приходим к выводу, что правовая природа этих процессуальных мероприятий носит специфический, комплекс-

ный (комбинированный) характер. Попутно заметим, что такая позиция также частично прослеживается и в литературе. Например, авторы комментария к УПК РФ, анализируя ст. 185 УПК, пишут, что эта статья регламентирует три относительно самостоятельных, но взаимосвязанных между собой следственных действия: наложение ареста, выемку и осмотр⁷. Примерно такой же позиции придерживаются и авторы другого комментария к УПК РФ⁸. В свою очередь, авторы учебника по уголовному процессу под редакцией В. П. Божьева считают контроль и запись переговоров комплексом действий, осуществляемых для получения доказательственной информации⁹.

Говоря о комплексном характере вышеназванных уголовно-процессуальных мероприятий, следует вспомнить о существующей в последние десятилетия тенденции по разработке комплексных (комбинированных) способов осуществления задач, стоящих перед органами предварительного расследования и суда. Так, начиная с 1972 г. учеными-криминалистами (Р. С. Белкиным, А. В. Дуловым, Л. Я. Драпкиным, В. И. Шикановым и многими другими) разрабатывается теория тактических комбинаций и операций¹⁰. Включившись в дискуссию относительно указанных криминалистических категорий, мы позволили себе сделать вывод, что под тактической комбинацией следует понимать определенное сочетание тактических приемов или следственных действий, преследующее цель решения конкретной задачи расследования и обусловленное этой целью и следственной ситуацией¹¹. Тактическая операция, на наш взгляд, это совокупность следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на решение конкретной задачи расследования и обусловленная следственной ситуацией, сложившейся по делу¹².

Особый интерес для определения правовой природы таких мероприятий, как контроль и запись переговоров, а также наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, представляет именно тактическая комбинация. Она в отличие от тактической операции также полностью лежит в уголовно-процессуальной плоскости. Проводя сравнительный анализ между этой криминалистической категорией и рассматриваемыми нами комплексными процессуальными мероприятиями, можно сделать вывод об их родственной сущности, выраженной в комплексном осуществлении взаимобусловленных процессуальных мероприятий, направленных на решение частных задач, стоящих перед уголовным судопроизводством. Вместе с тем отождествление тактической комбинации с рас-

считаемыми нами комплексными уголовно-процессуальными мероприятиями представляется невозможным по следующим причинам.

1. Рассматриваемые нами уголовно-процессуальные мероприятия (контроль и запись переговоров; наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка) всегда представляют собой комплекс самостоятельных уголовно-процессуальных мероприятий, а тактическая комбинация может заключаться как в сочетании самостоятельных следственных действий (сложная), так и отдельных тактических приемов в рамках одного следственного действия (простая).

2. Сложная тактическая комбинация может включать в себя только следственные действия, а рассматриваемые нами комплексные процессуальные мероприятия состоят как из следственных действий (осмотр, выемка), так и из других процессуальных мероприятий (наложение ареста, запись переговоров).

3. В отличие от тактических комбинаций решения о проведении рассматриваемых нами комплексных процессуальных мероприятий всегда закрепляются в установленных законом процессуальных документах.

4. И наконец, самое главное: процедура осуществления рассматриваемых нами комплексных процессуальных мероприятий строго формализована. Так, законодатель прямо предусматривает и виды процессуальных действий, включенных в такое мероприятие, и последовательность их производства. Проведение же тактической комбинации не зависит от требований закона, а ее содержание и последовательность осуществляемых следственных действий определяет сам следователь, руководствуясь при этом исключительно тактико-криминалистическими рекомендациями и своим опытом.

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что рассматриваемые нами комплексные уголовно-процессуальные мероприятия не являются ни следственными действиями, ни тактическими комбинациями. Они заключаются в особых комбинированных строго формализованных процессуальных процедурах, направленных на решение частных (локальных) задач уголовного судопроизводства. Как нам представляется, исходя из комплексного (комбинированного) характера и процессуальной сущности таких процедур, их следует именовать *процессуальными комбинациями*.

Исходя из сказанного, процессуальная комбинация должна отвечать следующим признакам:

— как сама процессуальная комбинация, так и порядок ее проведения должны быть прямо регламентированы уголовно-процессуальным законодательством;

— процессуальная комбинация заключается в комплексном осуществлении взаимообусловленных следственных действий и иных процессуальных мероприятий;

— процессуальная комбинация направлена на решение частных (локальных) задач уголовного судопроизводства;

— все мероприятия, осуществляемые в ходе процессуальной комбинации, должны быть обусловлены одним общим решением, закрепленным в соответствующем уголовно-процессуальном акте (как правило, в постановлении).

Таким образом, *процессуальная комбинация — это предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством комплекс определенных взаимообусловленных следственных действий и иных процессуальных мероприятий, направленных на решение частных (локальных) задач уголовного судопроизводства и производимых на основании общего процессуального решения.*

Представляется, что признакам процессуальной комбинации отвечают и контроль и запись переговоров, и наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка.

Так, контроль и запись переговоров представляет собой установленную УПК РФ (ст. 186) совокупность следующих взаимообусловленных процессуальных мероприятий:

— негласной записи телефонных и иных переговоров, осуществляемой по заданию следователя сотрудниками специальных технических подразделений МВД, ФСБ и других правоохранительных органов;

— последующего прослушивания следователем фонограммы записи телефонных и иных переговоров, производимого по правилам следственного осмотра.

Эти мероприятия направлены на решение частной задачи уголовного судопроизводства — получение новых или проверку имеющихся доказательств. Кроме того, они производятся на основании общего процессуального решения — постановления суда о контроле и записи переговоров, выносимого в порядке ст. 165 УПК РФ.

В свою очередь, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка также представляют собой предусмотренный законом (ст. 185 УПК РФ) комплекс взаимообусловленных про-

процессуальных мероприятий, которые направлены на решение частной задачи уголовного судопроизводства — получение новых или проверку имеющихся доказательств. Содержание этого комплекса сводится к следующему:

- действия сотрудников учреждений связи по задержанию почтово-телеграфных отправок и незамедлительному уведомлению об этом следователя;
- осмотр арестованных почтово-телеграфных отправок;
- выемка арестованных и осмотренных почтово-телеграфных отправок.

Также как при контроле и записи переговоров, все эти мероприятия производятся на основании общего процессуального решения — постановления суда о наложении ареста на почтово-телеграфные отправления, об их осмотре и выемке, выносимого в порядке ст. 165 УПК РФ.

Сравнительный анализ рассматриваемых нами процессуальных комбинаций с иными комплексными мероприятиями, проводимыми в целях решения задач, стоящих перед органами предварительного расследования и суда, позволяет нам высказать еще одно предположение. Так, на наш взгляд, процессуальные комбинации вполне могут быть включены в качестве отдельных элементов как в тактическую комбинацию, так и в тактическую операцию. В связи с этим представляется необходимым пересмотреть в той или иной степени подход к определениям этих комплексных мероприятий с учетом указанных замечаний.

Как следует из сказанного выше, оба рассмотренных нами комплекса направлены на получение новых или проверку имеющихся доказательств. Однако, по нашему мнению, можно выделить и иные процессуальные комбинации, направленные в том числе и на решение других задач уголовного судопроизводства. Мы предполагаем вернуться к их рассмотрению в дальнейшем.

¹ См., напр.: Уголовный процесс: Учеб. для студентов вузов / Под ред. В. П. Божьева. М., 2002. С. 335; Комментарий Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Учеб. пособие / Под ред. Г. П. Химичевой. М., 2002. С. 120; Уголовный процесс России: Учеб. пособие / Под ред. З. Ф. Ковриги, Н. П. Кузнецова. Воронеж: Лекция и метод. материалы. М., 2004. С. 3 и далее.

² См., напр.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учеб. / Отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2004. С. 401–403; Уголовный процесс: Учеб. / Под ред. С. А. Колосовича, Е. А. Зайцевой. М., 2003. С. 274.